

КАЙ МАЙЕР

ВРЕМЯ
БИБЛИОМАНТОВ

Трилогия

КНИГА КРОВИ

Книга третья

МОСКВА
2018

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)

М14

Перевод с немецкого
Татьяны Лавровой

Майер К.

М14 **Время библиомантов: Трилогия. Книга третья: Книга крови:** роман / Кай Майер ; пер. с нем. Т. Лаврова. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2018. – 496 с.

ISBN 978-5-4366-0509-8

Санктуарий разрушен, однако миру библиомантов угрожает новая опасность. В золотом сиянии между страницами мира угрожающе клубятся идеи, поглощающие одно убежище за другим. Не сразу Фурия осознаёт, что она одна в состоянии предотвратить катастрофу. Однако за спасение целого мира придётся заплатить высокую цену. Сможет ли она сделать это?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)

Original published as: Kai Meyer
«Die Seiten der Welt. Blutbuch»

© 2015 by Kai Meyer

For German edition © 2017 S. Fisher Verlag GmbH,
Frankfurt am Main

© ООО «Издательство Робинс», перевод,
издание на русском языке, 2018

Все права защищены.

Любое копирование разрешено только
с письменного согласия правообладателей

ISBN 978-5-4366-0509-8

От переводчика

...Идея куда-то сбежать, когда тебе все до смерти надоело, существует давным-давно. Идея сбежать в другой мир и пережить в нём волшебные приключения – тоже. Взять хотя бы ребят из книжного цикла Клайва Льюиса про Нарнию. Собственно, в основе книг, написанных в жанре фэнтези, и лежит мысль создать на книжных страницах такой мир, чтобы в него захотелось сбежать.

Однако есть писатели, которые этой целью и ограничиваются. Великое множество авторов сочиняют фэнтези для того, чтобы вдоволь наиграться в эльфов, фей и единорогов, а в центре чтобы был персонаж, похожий на самого автора, но самый умный, самый красивый, самый везучий, этакая Мэри Сью.

Когда мне в руки попала книга Кая Майера, я сначала решила, что он того же поля ягода.

И ошиблась.

Последняя часть трилогии о книжном волшебстве – это книга, простите за выспренность, о самопожертвовании. Причём не о картонном самопожертвовании, которое без раздумий совершают персонажи плохого фэнтези. Идея о том, что те или иные действия человека могут угрожать жизням других людей, – пусть даже это будут действия от чистого сердца, проистекшие из желания сделать как лучше, – приходит к главной героине трилогии Фурии Саламандре Ферфакс исподволь, не сразу. Ей требуется время, чтобы увидеть логику событий (хотя эта логика достаточно очевидна) и чтобы принять эту идею, потому что принять её сложно. Не сразу приходит и готовность переступить через себя и тем самым подарить другим надежду на спокойную и счастливую жизнь. В мире библиомантики, как и в реальном мире, нет гарантий на хороший конец. Но мир библиомантики, как и реальный мир, в конечном итоге справедлив, и поэтому судьба вознаграждает Фурию.

Заключительная часть трилогии о книжном волшебстве – это книга о праве на жизнь. О том, что право на жизнь имеют все существа, даже если они уродливы, необразованны, верят во всякую чушь и даже говорить-то толком не умеют. В отличие от многих других персонажей, Фурия не делает разницы между чернильными поганками, экслибрами и обычными людьми: все они живые, и, следовательно, никем из них нельзя жертвовать.

И наконец, последняя часть трилогии о книжном волшебстве – это книга в книге. Один из любимых мною моментов третьего тома – момент, когда Рашель Химмель, персонаж негибачый и жестокий, но, несомненно, живой и симпатичный автору, пройдя через зеркало, оказывается в нашем с вами мире и беседует с Каем Майером собственной персоной. И Кай Майер говорит: «Зибенштерн создал библиомантику, написав соответствующую книгу. А я создал Зибенштерна, написав роман о нём. И кто знает, возможно, кто-то таким же образом создал меня, – если представить, что кто-то сидит и сочиняет, как я тут разглагольствую». Идея эта, конечно же, не нова. Однако Майер подаёт её нам с нового ракурса. Возможно, сейчас, в эту минуту, кто-то, захватив фонарик под одеяло (или, в нашей нынешней реальности, закачав книгу на читалку или планшет), затаив дыхание следит за нашими приключениями так же, как мы следим за приключениями Рашель и Фурии. И завидует нам, какая у нас умопомрачительно интересная жизнь. Вот бы попасть туда!..

И значит, возможно, нам не стоит мечтать оказаться в той или иной любимой книге.

Мы уже в ней.

Приятного чтения, друзья мои!

*Татьяна Лаврова,
переводчик этой книги*

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

КОРАБЛИ-
ПОРТАЛЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Впустом зале витали призраки книг. Аромат самих книг давно уже улетучился, однако отзвуки записанных в них историй по-прежнему заполняли пространство между голыми стенами.

В бывшем читальном зале Британского музея не было ни души, когда внезапно на одной из галерей, опоясывавших пространство над круглым залом, появились мужчина и женщина. На мгновение, равное взмаху ресниц, в их глазах словно бы отразился нездешний золотой закат.

Изида взялась за металлические перила.

– Как тут высоко! – бодрым голосом сказала она, пытаюсь скрыть слабость и дрожь в теле. Ей не хотелось, чтобы спутник заметил, что она чувствует себя так плохо.

Дункан взглянул через перила вниз. Он не мог не беспокоиться за Изиду, потому что видел её насквозь. В своё время у них обоих прекрасно получалось обманывать окружающих и скрывать то, что было необходимо. Тайны. Однако сейчас, стоило им встретиться взглядами, все попытки ввести друг друга в заблуждение разбивались вдребезги. Они читали друг друга, как открытую книгу.

Когда-то библиотечные шкафы громоздились в зале в три этажа, однако с тех пор, как национальную библиотеку перевели из музея в другой район Лондона, шкафы канули в Лету, а купольный зал во внутреннем дворе музея опустел и обезлюдел. Одно время здесь

устраивались выставки, однако сейчас двери зала были закрыты, а внутри было темно и пусто.

Через высокие окна в барабане купола на стены зала проникал свет фонарей, освещавших музейный двор, – неверный жёлтый отблеск, терявшийся в темноте бывшей библиотеки. Другая сторона огромного полукружия купола тонула во мраке. Даже если там кто-то прятался, увидеть человека на таком расстоянии было невозможно.

– Тут никого нет, – заметил Дункан, чьи мысли в очередной раз текли параллельно мыслям Изида.

– Я знаю. – Изида чувствовала себя слабее обычного, хотя и не до такой степени, чтобы не распознать присутствие чужака.

Даже сейчас, спустя многие годы после того, как отсюда вывезли книги, воздух зала всё ещё был буквально пропитан библиомантикой. Тому было несколько причин, и главная из них скрывалась глубоко под полом зала, где были тайно погребены его создатели.

Книга, которой Изида и Дункан воспользовались для того, чтобы попасть в бывшую библиотеку, уже растворилась в воздухе. Вероятно, исчезла и её книга-близнец, давным-давно спрятанная в тайнике, в стене зала, вместе со многими другими. О тайнике знала лишь горсточка посвящённых, главным образом агенты Адамантовой Академии.

После разрушения Санктуария прошло всего несколько дней. Мир библиомантов бурлил от возбуждения. У так называемого *Комитета систематического перехода*, взявшего на себя функции правительства, было полно хлопот: нужно было упрочить свои позиции и утвердить Рашель Химмель в качестве нового представителя Академии.

Кроме того, над миром библиомантов по-прежнему нависала угроза: *идеи*, появившиеся из золотой бездны между страницами мира и уничтожавшие одно убежище за другим, никуда не делись. Они ещё не добрались до

убежищ высшего ранга, таких как Либрополис или Уника, однако в провинциях множились слухи о паническом бегстве людей. Способа задержать распространение губительных *идей* пока не изобрёл никто.

Дункан облокотился о перила и снова заглянул вниз, в полутьму. Они с Изидой находились на более высокой из двух галерей.

– Не нравится мне всё это. Если Аттик побывал здесь, у него должна была быть для этого веская причина. А это, в свою очередь, означает, что, скорее всего, в зале расставлены ловушки, препятствующие проникновению библиомантов.

Аттик Арбогаст, злейший враг мятежников, стоявший во главе агентов Академии, был учителем Дункана и Изиды в лицее Ле Карре. Во время битвы в Санктуарии он пал от руки Дункана. Только вчера Изиде наконец удалось связаться с одним из её лицейских информантов и узнать, что вплоть до последнего времени Аттик по крупице собирал сведения о столкновениях библиомантов с *идеями*. Один из следов привёл его сюда, в Британский музей, в книжный тайник под читальным залом.

Как и Дункан, Изида обшаривала взглядом зал в поисках признаков возможных опасностей. До конца исключить вероятность того, что информант попросту заманил их в ловушку, было невозможно. По собственному горькому опыту Изида знала, что после любого переворота единомышленники отсеивались один за другим. Возможно, люди, презиравшие власть Трёх родов, будут безоглядно преданы новому Комитету. Кроме того, никто пока не понял, что за роль будет играть Рашель Химмель и не вызовут ли её юность и смазливое личико симпатии тех, кто только что оказался у власти.

Изида на мгновение задержала взгляд на Дункане. Каштановые волосы спадали ему на плечи, лицо обрамляла короткая густая борода. Изиде показалось, что щёки

Дункана за последние несколько дней ввалились ещё больше. И она с ужасом поняла, что у них с Дунканом практически не было времени на то, чтобы перекусить и отдохнуть. Сама она не чувствовала голода с тех пор, как зависимость от Абсолоновой книги бросила тень на её образ мыслей. Изида ощутила угрызения совести: Дункан вёл себя самоотверженно, подчиняя свои потребности её собственным. Ей захотелось протянуть руку и погладить его лицо, но она боялась, что он может понять её превратно – принять её желание за попытку обманом отобрать у него Абсолонову книгу. Сама мысль о том, что Дункан может решить, что её недуг довёл её до такого состояния, вгоняла Изиду в краску до такой степени, что ей было легче вовсе отказаться от попыток сближения.

Они прибыли в Лондон этой ночью с целью собрать сведения об *идеях* – загадочной опасности, таившейся между страницами мира. Во время разрушения Санктуария *идеи* поглотили Фурию – Фурию Саламандру Ферфакс, последнего библиоманта из рода Розенкрейцев. А ей только что исполнилось шестнадцать. Она пропала несколько дней назад. Возможно, навсегда.

Однако Изида не хотела смиряться с этой мыслью. Чтобы найти Фурию или получить достоверные сведения о её судьбе, она была готова на всё. Причём времени для этого оставалось всё меньше: через четыре, самое позднее – через пять недель зависимость от Абсолоновой книги окончательно возьмёт над ней верх и погубит её. Уже сейчас Изида ощущала, как недуг высасывает из неё силы и неумолимо отравляет разум. В состоянии помутнения рассудка желание открыть Абсолонову книгу и погрузиться в неё с головой становилось непреодолимым. В моменты, когда Изида была способна мыслить ясно, ей приходилось признать, что она едва может контролировать себя, и ловила себя на том, что бросает злобные взгляды на Дункана, хранившего у себя Абсолонову

книгу. Пару раз Изида готова была вырвать у него книгу любой ценой, забыв и о судьбе Фурии, и о мятежниках, и о чувствах, которые к Дункану когда-то питала она сама.

– Давай уже разберёмся с тем, *за чем* мы пришли, и как можно скорее, – сказала Изида. – Чем быстрее мы отсюда уберёмся, тем лучше.

Дункан кивнул:

– Тогда вперёд!

Они медленно спустились с галереи в купольный зал по узкой лестнице. В своё время учёные со всех уголков земного шара съезжались сюда, чтобы поработать с книгами Британской библиотеки. Давным-давно за одним из пюпитров (которые, как и вся остальная мебель, уже давно были вывезены) Карл Маркс создавал свой «Капитал». При свете дня купол библиотеки представлял собой истинное произведение искусства: кремовые тона, небесно-голубые вставки, золотая лепнина. Сейчас, в сумерках, тени от выпуклых узоров сплетались на потолке, образуя многослойную паутину.

На восточной стороне зала Изида приложила ладони к стене. Всем своим существом она ощущала, что на протяжении полутора веков здесь жили книги, – они стояли на полках, которые, будучи выстроены в единую линию, тянулись на много километров. Оттого, что времена изменились и книги покинули своё обиталище, к горлу подкапывал комок. Любая покинутая библиотека дышала грустью, которая пронизывала балки и перекрытия здания так же, как запах гари сохраняется на пожарище в закоулках здания спустя годы. В этом же зале витали отзвуки большой литературы, её слабое эхо, которое Изида услышала сразу же, оказавшись здесь.

Молодая женщина закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на невидимом водовороте слов, который кружил вдоль стен зала и, вероятно, будет кружить по нему до окончания времён. Сосредоточение было

сродни увеличительному стеклу. Перед внутренним взором женщины стали проступать буквы, среди которых она осторожно, словно ощупью, начала искать то, что могло бы указать на Аттика или на артефакты библиомантов, – не приметные знаки, сравнимые с отпечатками пальцев. Она обнаружила множество таких знаков на отдельных буквах. Изида убедилась в том, что не пропустила ни одного, вычленила нужные буквы из водоворота и мысленно сложила из них слово-разгадку. Когда разгадка оказалась у неё перед глазами, Изида заметила, что стена перед ними меняет форму: в ней открылся мерцающий прямоугольник высотой в человеческий рост, за которым виднелся тайный проход.

Изида махнула рукой Дункану, чтобы тот следовал за ней, и тут только поняла, что он не заметил, что происходило с ней. Умение управлять силой, которой она обладала, будучи экслиброй из рода Зибенштернов, постепенно становилось произвольным – настолько произвольным, что она забыла: Дункан, хотя и талантливый библиомант, не обладал и десятой частью её способностей.

– Как это у тебя получилось?! – недоумевающе спросил Дункан, указывая на отверстие в стене. Он не видел ни буквенного водоворота, ни слова, открывающего проход.

– Защита, которой ты опасался. Я её выключила, – объяснила Изида, борясь с подступающим головокружением.

– Так просто – выключила, и всё?..

– Ну, не совсем уж так просто... – Она слабо улыбнулась.

Сквозь изумление Дункана проступало беспокойство.

– А если бы ты не...

– Вероятно, мы всё равно смогли бы открыть проход, но далеко вряд ли продвинулись бы. – Изида указала на тёмный прямоугольник. – Те, кто сделал его, были осторожны. И кроме того, тот, кому удалось сообщить Аттику слово-разгадку, наверняка сильно из-за этого пострадал.

Эклибра заметила, что Дункан не смотрит ей в глаза, а, как загипнотизированный, уставился на её рот. Она непроизвольно провела тыльной стороной левой руки по верхней губе и увидела кровь.

– У тебя часто идёт носом кровь? – озабоченно спросил Дункан.

– Нет, даже насморка не бывает.

Вероятно, кровотечение указывало на то, как быстро Изида теряет силы. Нет, не силу *библиоманта*, а обычные силы человеческого тела. Рано или поздно её организм не выдержит чрезмерного напряжения. В голове эклибры пронеслась мысль: когда это произойдёт, сколько ей останется жить? Возможно, Дункан знал ответ на этот вопрос... Но Изиде не хотелось снова начинать с ним спор о её зависимости от Абсолоновых книг.

– Дай мне книгу, – попросила она. И тихо добавила: – Пожалуйста.

Дункан бросил взгляд на часы на своём запястье и покачал головой:

– Через пять часов.

Неужели он не понимал, что при книжной зависимости и привыкании к Абсолону временные промежутки сокращались?

– Она нужна мне прямо сейчас!

– Скоро тебе вообще ничего больше не будет нужно! Поэтому и говорят: зависимость.

Дункан слегка сгруппировался, как будто готовясь отразить нападение. Он не хотел, чтобы Изида заметила это, – благое, но совершенно бессмысленное намерение.

Взгляд Изиды переключался на сумку, в которой Дункан носил книгу в тёмно-синем холщовом переплёте, и её сердце забило чаще. Книга была совсем рядом. Ей нужно было только запустить руку в сумку, раскрыть книгу и прочесть слова, написанные Александром Абсолоном больше столетия назад. Сохранились только три

Абсолоновы книги. Местонахождение остальных двух было неизвестно. Экземпляр Дункана был для Изиды единственной надеждой.

– Отдай! – теперь уже потребовала она.

В голове мелькнула мысль, словно бы не принадлежащая ей, – приложить его хорошенько головой об стену, зарыться носом в книгу и читать её столько, сколько захочется. Она сядет на пол и будет глотать слова Абсолонана одно за другим. До утра дочитает книгу до конца, а потом начнёт перечитывать...

– Изида!

Это был не голос Дункана, а девичий голос.

– Фурия? – Изида завертела головой: да, это она, девушка среднего роста, с длинными светлыми волосами, падавшими поверх чёрной кожаной куртки. Короткая серая юбка, бордово-красные колготки, разодранные в клочья, и массивные чёрные ботинки. Именно так – так, как Фурия не одевалась никогда, – она была одета во время битвы в Санктуарии.

– Изида! – повторила Фурия и протянула к ней руку. Её изображение мерцало, кожа как будто сияла изнутри.

Изида вновь обернулась к Дункану и заметила, что он открыл свою сердечную книгу – ровно настолько, чтобы заложить палец между страницами. Из щели лился свет, и Изида поняла, *что* у него на уме.

– Ты действительно думаешь, что это могло бы?..

И умолкла, потому что до неё дошло: уловка Дункана уже сработала. Призрак Фурии, сотворённый Дунканом, на несколько секунд отвлек её от мыслей про Абсолонову книгу. На нынешней, ранней, стадии зависимости этого было достаточно. Изида всё ещё чувствовала влечение к Дункану, но её воля вновь окрепла настолько, чтобы побороть его. Во всяком случае, на какое-то время.

Дункан закрыл свою сердечную книгу. Свет, падавший из неё, погас. Когда Изида обернулась, призрак Фурии уже исчез.

– Извини, – сказал Дункан.

– Нет, это ты меня извини.

Какое-то время она избегала смотреть на него, однако потом всё же выпрямилась и взглянула ему в лицо. Одновременно она шагнула к нему и осторожно коснулась рукой его щеки. Если Дункан и подумал, что это могла быть уловка для того, чтобы вырвать у него книгу, он скрыл эту мысль, улыбнувшись.

Изида была серьёзна, серьёзна как никогда.

– Без тебя... – начала она и не договорила.

– Я не допущу, чтобы эта пакость взяла над тобой верх! – прошептал он. Как будто Абсолонова книга была диким зверем, на которого Дункан собирался обрушиться, если тот приблизится к Изиде.

Дункан накрыл своей ладонью ладонь Изиды. Его пальцы были тёплыми, её – холодными как лёд.

– Пошли разберёмся с этим, – произнесла она.

Давным-давно они были влюблены, потом расстались и смогли пережить горечь расставания, не убив друг друга. Можно было надеяться, что им удастся выйти живыми и из этой истории.

Через плечо Изиды Дункан бросил взгляд на отверстие в стене, сжал губы и кивнул. Его тёмные брови озабоченно сошлись на переносице. Он наклонился и поцеловал Изиду в лоб. Эклибра не помнила, когда кто-то в последний раз так прикасался к ней. Она настолько отвыкла от этого, что в первый момент даже испугалась. Под чёрным плащом с капюшоном её стало познабливать, когда она вспомнила о том, *что* неизбежно надвигалось на них. Сердца в её груди бились не так, как бьётся обычное сердце. Если бы она раскрыла страницы, прятавшиеся за молнией куртки, свет наверняка залил бы весь читальный

зал. Но пока перед закрытыми дверями дежурила служба безопасности музея, лучше было этого не делать.

Прежде чем Изида успела что-то сказать, Дункан улыбнулся ей и направился к проёму. Его сердечной книгой был затрёпанный роман с треснувшей обложкой о приключениях Джеймса Бонда, и сейчас молодой человек раскрыл его, разгладив пальцем разворот. Серебристое сияние осветило тайный проход. В глубине показалась лестница.

Навстречу им запрыгала хрупкая пожелтевшая птичка-оригами. Она с трудом преодолела расстояние до края верхней ступеньки, не удержалась на гладкой поверхности и упала вниз.

Ударившись об пол, птичка разлетелась в пыль.